

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	5
СЕН-ЖАН-КАП-ФЕРРА	7
ПАРИЖ	39
МАРТИН	112
ИГРА В БИСЕР	166
КОНЕЦ ФИЛЬМА.....	193
ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ	209
ЭПИЛОГ	316

Пролог

Ноябрьским вечером, в пятницу, около 21.30 в излюбленном творческой интеллигенцией баре на бульваре Сен-Жермен, что в самом сердце Парижа, раздался глухой выстрел. Минут за двадцать до происшествия туда гурьбой ввалилась шумная компания мужчин. Они заказали две бутылки шампанского, что тотчас были поданы в ведерках со льдом, и тяжелый графин чего-то темно-бурого, возможно виски или бурбон. Их громкий разговор поначалу казался веселым и дружеским, но вдруг перерос спор и потасовку, на пол полетело ведро с шампанским. И вдруг выстрел.

В зале оживились. Завсегдатаи заведения и случайные гости зашумели и бросились к выходу, забыв про зонты и пальто. Официанты в панике подталкивали людей к дверям и испуганно озирались по сторонам. «Есть раненые?» «Кто-нибудь позвонил в полицию?» Паника нарастала.

Пьяные дебоширы, виновники переполоха, замерли с ужасом, разглядывая мужчину, чье тело, распростертое на бархатном диванчике перед столом, уже не подавало признаков жизни... Из виска сочился багровый ручей, и скоро все тело оказалось в ярко-красной луже.

«Ты что совсем кретин, Бертран? Ты же убил его, черт возьми! Ты убил Мартина! Ты же говорил, что пистолет заряжен холостыми патронами!»

На выходе толпились. Молодая пара, мужчина с женщиной, что сидели в дальнем углу зала и болтали весь вечер по-русски, протиснулись к выходу почти последние. Проходя мимо злополучного стола, женщина не сдержала любопытства и бросила как бы случайный взгляд на тело, и вдруг замерла в ужасе.

«Что с тобой, Люсьен? Пойдем скорее отсюда», — сказал ее спутник и прихватил женщину за талию, чтобы помочь протолкнуться к выходу, но тут же почувствовал, как вдруг ее тело обмякло и она без сознания повалилась на его руки.

Сен-Жан-Кап-Ферра

1

— Сегодня как-то слишком душно, *mademoiselle*, — обратился он к молодой женщине, стоявшей на террасе открытого бара на берегу моря. Он обратился к ней просто так, как бы проверяя себя, сможет ли заговорить с незнакомцем, ведь все-таки надо тренировать речь, она пригодится для жизни во Франции. — У вас не будет лишней сигареты? — Он тщательно прокартавил, французское произношение давалось ему все еще с трудом.

Она стояла, облокотившись о каменную изгородь, в широких летних брюках и облегающей блузе и не спеша выдыхала тонкие струи дыма. Весь ее вид, независимый и самоуверенный, выдавал ее, показывая, что отдыхает она здесь одна.

— Последняя, — равнодушно улыбнулась она и протянула ему пачку.

— Андрей! — раздался крик в глубине зала на русском. — Андрей, я пойду укладывать детей, у Миши, кажется, температура. Я же говорила тебе, что ему нельзя столько купаться!

— Да-да, я скоро, — ответил он, кивнув уставшей женщине, держащей за руки детей, мальчика и девочку, и снова взглянул на незнакомку.

От нее исходил легкий цитрусовый запах, такой возникает, когда разрезаешь лимон на две половинки, а рядом потом кладешь разрезанный пополам мандарин, на мякоти которого уже проступили первые капли сока. Он сглотнул, докуривая сигарету. Она стояла неподвижно, вглядывалась в накатывающую белую пену и осторожно стряхивала пепел. Потом вдруг резко повернулась и кивнула:

— Люсьен.

Без улыбки, слегка опустив глаза, так что траектория движения ресниц указывала на нее саму. Это она и есть. Затушила остаток сигареты и, не дожидаясь ни его ответа, ни какой-то реакции, направилась в сторону бара и мгновенно растворилась в его глубине.

Андрей остался стоять неподвижно. «Люсьен», — повторил он, вздрогнув, посмотрел на часы — странная все же привычка носить наручные часы на отдыхе — и медленно поплелся в номер. Жена уже легла. Рядом спокойно посапывали дети.

В ту ночь он долго не мог заснуть, ворочался и дважды выходил на балкон покурить. Но даже резкий запах табака не заглушал цитрусовый запах. Он вновь возвращался в комнату, смотрел на спящую жену. Он смотрел на ее высокий лоб, очерченный еще едва заметной вертикальной линией. Ее рука, лежащая над головой на высоких мягких подушках, в первый раз показалась ему почему-то толще, чем раньше. Эта мысль была чужой и неприятной. Она

нарушала стройность и устойчивость его внутреннего мира, каждая деталь которого казалась продуманной и понятной.

2

— Миша, перестань! Лиза и так вся в песке.

Солнце яростно заливало побережье Сен-Жан-Кап-Ферра. Отдыхающие с самого утра выкладывали свои тела в первых рядах партера и с интересом смотрели на колыхающееся море. Сегодня оно было почти спокойным. У его кромки визжали и посыпали друг друга песком дети, молодые парочки уплывали целоваться подальше ото всех. Старые немки, без стеснения оголив грудь, гордо расхаживали вдоль берега. Обитатели этого отеля (как, впрочем, и других таких же, что тянутся цепочкой вдоль Средиземноморского побережья) вырвались из своих золотых офисных клеток, чтобы вкусить радости праздной жизни и свободы, прежде чем их снова посадят в пышные кресла кабинетов, таящих кипы бумаг, забот и неизменно бутылку виски или еще чего — где-нибудь в нижнем ящике стола, на случай непредвиденных торжеств, или, что чаще, непредвиденных тревог.

Их день плавно растворялся в вечере, а затем в ночи, как солнце в море и сахар — в белоснежных чашках кофе. С утра они полностью отдавались солнцу, к полудню открывались местные бары, и уже можно было прятаться в тени, потягивая коктейли, со скукой размышляя о мелких тяготах обеспеченной жизни. Затем следовал обед — целое гастрономическое шоу, с изысканными блюдами и музыкой. После обеда — небольшой отдых и пара часов свободного времени: мамочки уходили укладывать

детей на дневной сон, стареющие толстосумы с сигарой во рту удалялись играть в покер, молодые модницы отправлялись в город в поисках новых нарядов на предстоящий вечер.

Андрей лежал под палящим солнцем и, скучая, листал газету в поисках хоть одной интересной новости.

— Oh! Côte d'Azur! Côte d'Azur! — Его жена натирала детей кремом от загара. — Мне кажется, у меня жуткий акцент, а французы не переносят, когда коверкают их язык!

— Ну что ты, — не поднимая глаз, возразил Андрей, — в Париже мы продолжим брать уроки французского, так что не волнуйся.

— Пап, пойдем купаться, — Миша схватил мокрыми руками газету, и новости потекли черной струйкой по бумаге.

— Сейчас пойдем, Миша, сейчас. — Андрей нехотя отодвинул газету и посмотрел на небо. — Солнце сегодня дикое.

— Надень кепку, иначе придется лечить тебя от солнечного удара, а у нас сегодня праздничный ужин, ты помнишь, я надеюсь? — сказала Элен.

Именно так, не Лена, а Элен просила она называть себя, как только они собрались паковать чемоданы во Францию.

— Ах да. — Андрей принялся искать кепку под полотенцем и в пляжной сумке, под сумкой, но кепки не было. Он привстал, облокотившись, и увидел в трех метрах от себя лишь багровое тело богатой старухи, безжалостно скармливающей себя солнцу уже вторую неделю, фыркнул и отвернулся.

— Видимо, я оставил ее в номере, пойду поищу. — Откинул газету, смахнул песок с футболки, песочные крупинки посыпались на бумагу, расставляя лишние точки и акценты в текущей повестке дня. — Тебе что-нибудь принести? — обратился он к Элен, а затем взглянул на детей. Миша, схватив за руку сестру, уже неся в сторону моря.

— Захвати воды, — ответила Элен и побежала догонять детей.

Действительно слишком жарко. Слишком много солнца. Андрей плелся в сторону номера лабиринтами живых изгородей и клумб. Почему владельцы отелей стремятся сделать выход морю полосой с препятствиями. Солнце палило по волосам и, казалось, забиралось глубже — в голову, оттого перед глазами маячили полупрозрачные, почти незримые круги. Оставалось еще два поворота, Андрей ухватился за стриженный кустарник, формой напоминающий гитару или даже скорее песочные часы, и приготовился к последнему рывку. Но вдруг где-то впереди раздался смех, негромкий, но звонкий, словно песок побежал вдоль стеклянных переходов из одной части сосуда в другую. Андрей выглянул.

Впереди, в десятке шагов от него стояли две фигуры: женщина в оранжевом платье чуть выше колен и в широкой соломенной шляпе и пожилой мужчина. Они о чем-то переговаривались на французском. Слишком быстро, чтобы Андрей смог уловить смысл их беседы. Пряди ее длинных волос развевались по ветру, она то и дело отбрасывала их за плечи. Андрей стоял неподвижно, в странном оцепенении, то ли из-за безжалостного солнца, то ли из-за дурманящего цитрусового

запаха, бесцеремонно заползавшего в ноздри и обволакивающего тело изнутри.

— *C'est pour ce soir. Bien entendu, c'est pour ce soir*¹, — выдыхала она, с новой с силой заливалась смехом.

Старик стоял, гордо расправив плечи. Соседство с молодой и красивой женщиной украшало его сильнее, чем аккуратно уложенные пепельные усы и умышленно неряшливо заткнутый за ухо цветок, наверняка сорванный с местного дерева.

Французы — такие павлины, сколько в них уверенности в собственном обаянии и силе, подумал Андрей, еще сильнее съежившись.

Женщина вдруг повернула голову и бросила на него короткий взгляд и снова рассмеялась на шутку своего престарелого друга. Перед глазами Андрея заплясали прозрачные солнечные круги, на них накладывались другие — ярко-оранжевые и желтые в виде небольших соломенных шляпок. Он потер глаза, выдохнул и двинулся дальше.

Что это? Должно быть, воздух здесь все-таки отличается от петербургского. Обжигаящий. Наверное, не надо было вчера столько пить. Этот дурацкий виски, он до сих пор плещется в теле, бултыхается, как волны в море. Возможно, в последние месяцы было слишком много работы, этот переезд, незавершенные дела. Элен слишком много болтает и планирует. Ей надо все и сразу. И эта идея с парижским филиалом, она так вцепилась в нее, схватила и прижала к полу, будто в десяти накрепко упакованных чемоданах,

¹Сегодня вечером. Конечно, сегодня вечером (*франц.*).

отправляющихся в путь из России, была утрамбована ее вся жизнь, летящая к своему смыслу.

Наверное, она права, я слишком много курю, подумал Андрей и вытащил из кармана сигарету.

3

Первые огни и свечи на задрапированных столах открытой террасы зажглись в шесть часов. Официанты, облаченные в военные мундиры, скроенные в стиле времен Великой французской революции, уже разносили шампанское, приветствуя первых гостей вечера.

— Нет, эта удавка меня сегодня добьет. — Андрей стянул с шеи бархатную бабочку и расстегнул несколько пуговиц на рубашке, освободив порозовевшую шею.

— Андрей, это же Ив Сен Лоран! Я специально подбирала ее для тебя, именно для таких случаев. Ты должен ее надеть, посмотри вокруг — это неприлично. — Голос Элен звучал мягко, но настойчиво.

— То есть ты готова допустить мои страдания в угоду местным традициям? — усмехнулся Андрей, потирая красную борозду на шее, которую оставил галстук. — Посмотри — это же просто гильотина медленного действия.

Элен не ответила.

— Миша! Вытащи руки из карманов! — крикнула она сыну. — Французские мальчишки никогда так не делают. Да, Михаэль? — Она подмигнула ему.

— Но я же не француз-у-зик! — скорчил он гримасу, тщательно артикулируя последний слог, и еще глубже запихнул руку в карман.

— Вот видишь, Андрей, ты дурно влияешь на детей!

— Оставь их в покое, — мягко возразил он и потрепал тонкие косички Лизы. — Или хочешь, давай устрой нам революцию, французы же воинственный народ.

«Как быстро она принимает правила игры, как легко навязать взгляды, манеры и законы, — думал Андрей. — Еще немного, и она вовсе забудет, откуда она. Она забудет про Питер, про Москву, про прогулки по набережным в белые ночи, про свой университет, про Машку, вместе с которой защищала диплом. Еще чуть-чуть — и она сама поверит в то, что родилась в сердце Франции, что это щебетание и есть ее родной язык, а Эйфелева башня — любимое место для прогулок в юности».

— Я говорил тебе, что мы придем слишком рано. — Андрей щурился в лучах опускающегося солнца. Оно красиво сочилось сквозь плетеные изгороди террасы. — Взгляни вокруг, столы еще пустые. Мы сидим тут уже полчаса, как самые голодные.

— Ну что ты, мне просто хотелось увидеть все с начала до конца, это же все-таки национальный праздник. Чем больше мы будем окунаться в истоки жизни французов, тем быстрее мы проникнемся ею, сможем раскрыть их душу.

— Ну, вообще-то, мы сюда не веру менять приехали и не заниматься исследованием французской души. — Андрей вновь затеребил воротник рубашки. — Перестань поэтизировать. Это работа, Лена, это всего лишь бизнес. Быть может, сегодня мы живем во Франции, а уже завтра нам придется осваивать просторы Испании, или, например, Швеции, или

даже Катара. И ты с тем же рвением бросишься изучать их душу?

— Но пока мы во Франции, Андрей, — испытывающее посмотрела на него Элен. — И ты знаешь, что такое Франция для меня!

Андрей знал. Элен восторженно разглядывала входящих на открытую террасу гостей и маленькими глотками, больше для вида, потягивала шампанское. Эта была та жизнь, о которой она всегда мечтала — торжественные приемы с кучей ритуалов и важными персонами. Здесь, облаченная в вечерний наряд, со сложным плетением в волосах, окруженная мужем и детьми, она чувствовала себя этакой графиней, матерью знатного семейства с полотна 19 века.

Дети, скучая, оглядывались по сторонам — еду еще не принесли, а апельсиновый сок уже успел надоесть. Миша уперся ногами в деревянное ограждение и отбивал в такт молодому саксофонисту, ненавязчиво наигрывавшему «Марсельезу». Тот в синем пиджаке и с набриолиненным чубом ходил меж столов и с улыбкой кивал только входящим гостям вечера.

Терраса наполнялась женщинами в коктейльных платьях, с пышными укладками. Мужчины отличались более свободным стилем. Некоторые торжественно несли на себе костюмы с бабочками, другие же, напротив, не удосуживались следовать высокому стилю и появлялись в свободных летних брюках с рубашкой навыпуск. Наверное, это туристы, или, наоборот, коренные французы, уставшие от светских условностей. Детей было немного. Видимо, дети не брали Бастилию, усмехнулся про себя Андрей.

На входе появилась молодая девушка с яркой копной волос, выкрашенных в кричащий розовый цвет.

Худощавое тело было прикрыто зеленым платьем, не менее вызывающего оттенка. Наверное, актриска, подумал Андрей, глядя, как девушка, взяв с подноса официанта бокал шампанского, присела за соседний столик.

Постепенно столики заполнялись — тягучая масса светского блеска и игривой пародии на него наполняла бокал, все еще переливающийся в лучах последнего за этот день солнца. А оно таяло, таяло под «Марсельезу», выдыхаемую хрупким музыкантом, которого едва можно было представить на поле боя.

К барной стойке подошла тучная женщина в пышном платье в мелкий рисунок. Все привыкли к ткани в горошек, в цветочек, на худой конец в клеточку. Но на ней было платье в маленькую Эйфелеву башню. Черные башенки на белом фоне. Андрей заметивший, как она колеблется между шампанским и вином, едва сумел сдержать смех; ему мерещился вихрь маленьких Ги де Мопассанов, в ярости тянущих руки к ненавистой достопримечательности. Она в замешательстве вздымала вверх свои толстенькие пальчики. Нет, все-таки вино, и, вооружившись бокалом, она отправилась к своему месту.

Но Элен было не до смеха.

— Сразу видно, с каким упоением европейцы следуют своим традициям, — прошептала она и с улыбкой кивнула саксофонисту.

— Ну да, традиция картавить и оставлять лишние буквы в словах, — отмахнулся Андрей. — А ты, кстати, знаешь, что у французов самый кровожадный гимн. Нет, ты только послушай! Ты его читала когда-нибудь, я вот решил поискать перевод: *К оружию, друзья!.. Пора крови гнилой омыть наши поля!* Вот как! Совсем

не к столу. — Андрей схватил салфетку, раскрашенную в национальный триколор, и вытер губы: — Вот видишь, как надо любить отечество. — Он еще раз провел маленькой копией флага по губам, уделяя особой внимание уголкам, и смял салфетку в руке. — Ты не помнишь, туалетная бумага в нашем номере тоже была окрашена в эту трехцветную полоску?

— Прекрати этот цирк, Андрюша! — прошипела Элен, не роняя при этом улыбку. Она вечно использовала уменьшительно-ласкательную форму его имени, когда злилась. Словно преуменьшала его значение, превращая в провинившегося школьника, которого следует поставить в угол.

— Ты же знаешь, я всего лишь шучу. Тем более что цирка здесь вокруг не меньше, чем в моих словах.

— Не желаете говяжий эскалоп в креветочном соусе, мадам? — за спиной незаметно возник официант с безразмерным блюдом в руках, и его белые накрахмаленные манжеты напоминали двух чаек в бескрайнем море чревоугодия.

— Положите этому грубияну, иначе он сегодня не замолчит, — произнесла Элен по-английски и тут же добавила по-французски. — *S'il vous plaît.*

Андрей жевал кусок мяса, он казался ему слишком жестким, розоватая плоть была густо полита красно-коричневым соусом. А вот вино было неплохим. Французский «Совиньон», хорошо охладили, молодцы. Новозеландский, конечно, получше, невесомее, но в этом их коварство, набираешься незаметно, бокал за бокалом, веселящий дух свободы разлетается по телу и незаметно уносит его за собой. Так было за несколько дней до переезда в Париж. Прощальная встреча с бывшими компаньонами, теплый вечер

и две корзины «Совиньона». Его тело, едва способное удерживать вертикальное состояние, доставили до порога дома, Элен, конечно, кричала, но не слишком громко — боялась разбудить детей.

— Посмотри, — Элен указала на седовласого старика с бокалом руке, — это же глава кинокомпании Pathé Frères.

Андрей оглянулся и увидел мужчину, которого уже видел сегодня по дороге в номер. Старик был одет в бежевый костюм, напояженные седые волосы блестели в свете мерцающих огней. Весь этот торжественный наряд делал его старше, чем утром на улице, когда он стоял с идиотским цветком в волосах.

— Откуда ты его знаешь?

— Я читала его интервью в «Le Figaro». Просидела со словарем три вечера! Еще про него была заметка в журнале в самолете. Он известный человек. Андрей, боже мой, мы обязательно должны познакомиться с ним, это очень влиятельный человек! — Элен возбужденно схватила край скатерти и сжала его.

— Не сегодня.

Дай ей волю, она бы перезнакомилась тут со всеми. Что за дурацкая привычка тащить домой всех кого не попадя. Андрей прикрыл глаза — их просторная гостиная наполнилась толпами премьер-министров, продюсеров, кинозвезд, деятелей культуры и искусств, и прочих-прочих-прочих. Они сидели на пышных диванах, заняли все кресла, стулья, его любимый пуф; они окружили журнальный столик возле камина, топилась возле подоконников и у входа, и ему некуда было протиснуться, некуда сесть, разве что незаметно исчезнуть из комнаты.

Не выходи из комнаты, не совершай ошибки.